

На правах рукописи

Болотова Елена Анатольевна

**КАТЕГОРИЯ ОТРИЦАНИЯ
И СРЕДСТВА ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В МЕМУАРНОМ ТЕКСТЕ:
КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И
ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
(на материале произведений А. Кончаловского)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Ростов-на-Дону – 2019

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: **Гаврилова Галина Фёдоровна**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Ахиджакова Марьет Пшимафовна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» / кафедра общего языкознания, заведующая кафедрой

Скнар Галина Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет» / кафедра русского языка и культуры русского языка, заведующая кафедрой

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

Защита состоится «26» июня 2019 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.208.17 по филологическим наукам при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» по адресу: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова и на сайте ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» <http://hub.sfedu.ru/diss/announcements/>

Автореферат разослан «_____» _____ 2019 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Овсиенко Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В системе тенденций, характерных для современной теории языка, выделяются поиск целостности во взаимодействии различных аспектов и жанровая верификация установленных или устанавливаемых категориальных закономерностей. Так, «метод анализа категорий» в рамках принципов познания предусматривает лингвистическую многоаспектность объектов (Комарова, З.И. *Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике [Текст]* / З.И. Комарова. – М.: Изд-во «Наука», 2016. – 820 с.), обусловленную установкой на единство разных граней и уровней обобщения. Среди исследуемых категорий значительное место занимает отрицание, внимание к которому определяется единством традиционной и новейшей актуальности (Пацюкова, О.А. *Динамические явления в русском языке и речи [Текст]* / О.А. Пацюкова. – Нижний Новгород: Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2019. – С. 116).

Общепризнанно, что отрицание – это лингвистический феномен, присущий всем языкам мира. Категория негации многомерна и находит своё выражение на всех уровнях языковой системы, при этом выделяют три базовых подхода к её определению: 1) с позиции его понятийного содержания (Есперсен, 1958; Орлова, 1972; Адмони, 1985; Пешковский, 2001); 2) через форму выражения (Шендельс, 1959); 3) посредством когнитивных особенностей (Александрова, 2000). Последний аспект категории отрицания, на наш взгляд, заслуживает серьёзного рассмотрения, поскольку универсальность этого явления отражает базовые закономерности речевой деятельности личности, наличие в когнициях адресата знания (убеждения) о существовании отрицаемого факта или предмета в реальной действительности.

Актуальность данного диссертационного исследования обуславливается:

- необходимостью выработки нового концептуального подхода к изучению отрицания как логико-понятийной универсалии, играющей важную роль в обеспечении непрерывного процесса познания;
- включением в общее приоритетное направление изучения функционирования языка в процессе коммуникации,
- интересом современной лингвистики к исследованию категории отрицания как в функционально-коммуникативном, прагматическом и лингвоперсонологическом аспектах, в частности на материале мемуаров.

В этой связи актуальным является лингвопрагматическое исследование категории отрицания и средств её выражения на материале мемуарных текстов.

Степень разработанности проблемы. Современная теория языка закономерно обращает внимание на разнообразные аспекты объектов, в частности – коммуникативный, функциональный, прагматический и лингвоперсонологический, при упорядочивании которых отмечаются особые линии системных связей и конкретизации:

- переход от семантики к прагматике (Roan, 2013; Шустова, 2016; Сулейманова, 2018), при этом повышенный интерес уделяется именно

прагматике отрицания как в традиционных, так и новых коммуникативных практиках (Haynes, 2004; Tannen, 2007; Whatling, 2013);

- конкретизация коммуникативных действий (Ченки, 2015);
- связь языковой личности и её картины мира (Сигал, 2017; Плаксина, 2018);
- виртуальные сферы (Тленкопачева, 2018).

Учет современных тенденций тем более существенен потому, что категория отрицания является в целом активно обсуждаемой, интересует многих современных лингвистов, охватывая широкий круг проблем для исследования. Однако до сих пор отсутствуют точные дефиниции данной категории, не определено место отрицательных предложений среди других лингвистических явлений, а также не раскрыта их коммуникативная роль в речевом общении.

Актуальной тенденцией исследований в области теории языка представляется и привлечение мемуаров к жанровой верификации выявляемых закономерностей на материале различных языков (Наконечная, С.О., Матвейчева, Т.В. Развитие ценностного отношения к Родине в массовом сознании в годы второй мировой войны в Германии (на материале мемуаров Вернера Брелера «Aus Meiner Zeit» [Текст] / С.О. Наконечная, Т.В. Матвейчева // Язык и личность в гармоничном диалоге культур. – Ставрополь: Параграф, 2017. – С. 161–163), поскольку подобных исследований в указанном теоретико-лингвистическом ракурсе на сегодняшний день гораздо меньше, чем того требует познавательная необходимость. Обращение к мемуарным текстам связано с повышенным и устойчивым интересом читателей к мемуарам, которые в последние годы рассматриваются как эпохальные произведения литературного жанра и как исторические документы.

На наш взгляд, при исследовании мемуарных текстов представляется возможным показать качественно новый фактический языковой материал для решения проблемы использования отрицания в различных текстах, многомерность отрицания и его отличие от других грамматических категорий, а также объяснить феномен прагматической, стилистической и коммуникативно-функциональной, экспрессивно-эмоциональной ролей различных предложений с отрицанием.

Объектом диссертационного исследования является категория отрицания в текстах мемуарных произведений.

Предмет исследования представляют языковые средства категории негации, рассмотренные с позиций функционально-коммуникативного, прагматического и лингвоперсонологического аспектов на материале мемуарных произведений.

Материалом для исследования послужили ранее не изученные мемуарные тексты А. Кончаловского «*Низкие истины*» и «*Возвышающий обман*» (1998–1999), а также произведения М. Осоргина «*Заметки старого книгоеда*» (1928–1939), Н. Берберовой «*Курсив мой*» (1960–1966), И. Эренбурга «*Люди, годы, жизнь*» (1961–1965) и И. Одоевцевой «*На берегах Невы*» и «*На берегах Сены*» (1967–1983), привлечённые для проведения многоаспектного

исследования категории отрицания и лингвистических средств ее выражения. Методом сплошной выборки выявлено около 4000 текстовых фрагментов мемуарного повествования, в которых системно проявляется категория отрицания.

Целью данного диссертационного исследования предстает изучение сущности категории отрицания, ее выражения языковыми средствами разных уровней, а также ее функционально-коммуникативных, лингвопрагматических и лингвоперсонологических особенностей в мемуарных текстах в общем, и в произведениях А. Кончаловского в частности, с опорой на идею диалектики научного познания объективно-существующего мира и его отражения в языке.

Достижение заявленной в диссертационном исследовании цели потребовало решения следующих **задач**:

1) проанализировать научные подходы к определению ключевых понятий диссертационного исследования: мемуары, мемуарная литература, мемуаристика, документализм, антропоцентризм и др.; представить характеристику жанрового своеобразия мемуарных произведений;

2) рассмотреть понятие и содержание коммуникативной категории отрицания на материале мемуаров;

3) проанализировать мемуарные произведения и выявить разноуровневые средства репрезентации категории отрицания;

4) проанализировать и охарактеризовать прагматический потенциал воздействия коммуникативной категории отрицания в мемуарном тексте;

5) выявить характеристики индивидуальной картины мира мемуаров А. Кончаловского и охарактеризовать особенности её содержания;

6) выявить и охарактеризовать статусно-ролевую позицию личности А. Кончаловского, представленную в его мемуарных произведениях.

Методологическая база диссертационного исследования. **Общефилософское** измерение методологии диссертационного исследования основывается на концептуальных принципах антропоцентризма и субъективизма, которые дают возможность рассмотреть язык в виде семиотической системы, помогают описать важные референциальные значения слова, соотносящиеся с субъектом речи.

Общенаучное методологическое основание диссертационного исследования системно проявляется в использовании единства ряда парадигмальных принципов гуманитарного знания, подразумевающих междисциплинарность лингвистического исследования, антропоцентризм, функционализм, прагматизм и экспланаторность.

Частнонаучные методологические принципы диссертационной работы базируются на теоретических концепциях, научных принципах и методике изучения категории отрицания: в классической грамматике и теории языка (Шахматов, 1941; Щерба, 1957; Klima, 1964; Потенция, 1968; Бондарко, 1971; Виноградов, 1975; Greene, 1975; Linebarger, 1987; Белошапкова, 1989; Horn, 2001; Пешковский, 2001; Шанский, 2009; Giannakidou, 2012; Hoeksema, 2012; и др.); в сопоставительном аспекте лингвистической и логической категорий отрицания, ее связи с модальностью и другими категориями (Айзенштадт,

1949; Бердник, 1974; Grice, 1975; Гулыга, 1976; Ladusaw, 1979; Наер, 1985; Богуславский, 2001; и др.); с учётом выявления особенностей реализации значения отрицания в простых и сложных предложениях, а также в экспрессивно-отрицательных конструкциях (Рассел, 1957; Сухарева, 1958; Шмелёв, 1958; Baker, 1970; Лобанова, 1971; Мартынова, 1974; Орлова, 1976; Stalnaker, 1978; Колшанский, 1979; Змиевская, 1987; Ломов, 1994; Труб, 1994; Лака, 1994; Толстой, 1997; Степанов, 1998; Franklin, 2011; и др.).

Цель и задачи диссертационного исследования предопределили применение комплексной **методики** лингвистического анализа фактического материала, способствующей получению достоверных результатов и выводов, включающей в себя: метод функционально-грамматического анализа языковых единиц текстов мемуаров, направленный на выявление композиционной и стилистической роли негативных конструкций в демонстрации личностных позиций авторов мемуарных текстов; метод концептуального анализа, способствующий выявлению при анализе языковых терминов и понятий, а также уточнению толкования их в лингвистических словарях; метод оппозиций, выявляющий типы негативных конструкций, используемых в мемуарном тексте; метод лингвокогнитивного анализа, анализирующий особенности авторского мировидения в мемуарах А. Кончаловского; методы описания, наблюдения и сопоставления, позволяющие осуществить выбор характерных примеров отрицательных предложений при рассмотрении отдельных фрагментов неадаптированного текста из анализируемых мемуарных текстов; метод контекстуального анализа, применяемый при исследовании текста с отрицательными конструкциями (предложений, фрагментов), в частности мемуарного, чтобы определить зависимость значения отрицания от контекста; приёмы статистического метода или количественной обработки языкового материала, широко применяемые в лингвистических исследованиях, позволяющие установить (индекс аналитизма) и проанализировать частотность использования отрицательных единиц в текстах мемуаров А. Кончаловского («*Низкие истины*» и «*Возвышающий обман*»), Н. Берберовой («*Курсив мой*»), И. Одоевцевой («*На берегах Сены*»).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Жанровое своеобразие мемуарных произведений, обусловленных стремлением мемуариста отразить социально-историческую событийную реальность конкретной эпохи, определяется авторским откликом на социальные, духовные и культурно-исторические преобразования конкретного общества, представленный в форме последовательной хроникальной ретроспекции о событиях и их участниках далёкого и / или близкого прошлого, характеризуется локализованностью между двумя полюсами: авторским субъективизмом и документализмом, подразумевающими совокупность личного опыта, памяти (сопровождающихся многоаспектной оценкой, рефлексией и переосмыслением) и достоверными данными, заимствованными из архивных источников.

2. Коммуникативная категория отрицания, представленная бытийными и экзистенциальными отрицательными конструкциями в языке, с одной стороны,

разграничивает мир мемуариста на «свой» и «чужой», основываясь на восприятии и / или отторжении реальной действительности, выражает идейный замысел, протест автора, а, с другой стороны, будучи ориентированной на позитивные знания читателя, наличие в его сознании когнитивных установок и данных о каких-либо фактах и событиях, расширяет его информационное пространство посредством введения уточнений, разъяснений, снятий противоречий или обозначения несогласия, предоставляя ему возможность более активного восприятия описываемой действительности.

3. Неоднородность разноуровневых (лексико-фразеологических, морфологических, синтаксических, стилистических) средств репрезентации категории отрицания как средств выражения контраста и оппозиций в мемуарах обеспечивает возможность экспрессивной передачи разнообразных отрицательных смыслов (осуждения, потрясения, возмущения и пр.).

4. Прагматический потенциал воздействия коммуникативной категории отрицания в мемуарах А. Кончаловского проявляется в: 1) категоричном отрицании, выражающем: а) негативные реакции (*возражение*, т.е. обоснованное отрицание (отклонение) какой-либо мысли, какого-либо положения, утверждения, предложения, *несогласие* с кем-либо или с чем-либо, *опровержение* чьего-либо мнения или суждения, выражение *недовольства*, *осуждения* и / или *неодобрения* («*Неужели я не могу...?*», «*Больше сюда не приеду!*»); б) запрещение (требование не совершать какое-либо действие: «*не будем*», «*нельзя*» и др.); 2) ситуативной негации, обозначающей: а) признание отсутствия знания чего-либо, осведомленности в чем-либо («*не ведал*», «*не знали*» и др.); б) непонимание («*Как ни странно*», «*Странно было бы не впитать*»); в) удивление («*Не видишь?*»); 3) слабом отрицании, имплицитующем значения: а) уточнения, поправки, дополнения («*Но что же именно в природе не умирает?*»); б) сомнения, выражающие неуверенность в истинности чего-либо («*Не устарела ли*», «*Что такое, как не сокрытие правды?*»), в) уверенность («*Не сомневаюсь*»).

5. Индивидуальная картина мира мемуаров А. Кончаловского представляет собой отражение сознанием автора окружающей реальности, его внутреннего мира, т.е. личностных характеристик, включающих в себя категорию эгоцентризма, морально-этические и ценностные установки, направленные на поиск правды и достоверности, характеризующихся сдержанной эмоциосферой, социально-активной позицией – антиподом равнодушия и отстранённости – проявляющейся в любви к Родине, сочувствии к судьбам соотечественников и социально-историческим событиям страны. Совокупность ценностных установок А. Кончаловского характеризуется устойчивостью, непротиворечивостью и обуславливает такие качества его личности, как цельность, надёжность, честность, верность принципам, способность к волевым усилиям ради нравственных идеалов, активность моральной жизненной позиции.

6. Статусно-ролевая позиция личности А. Кончаловского в его мемуарах представлена ролью наставника, назидателя, опытного ментора, имеющего свою личную жизненную философию достижения успеха и счастья,

очерчивающего духовные ориентиры и дающего читателю нравственные наставления, назидательные советы, в частности посредством афористических изречений и многоаспектных оценок, для его последующего высокого социального и духовного роста.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые в мемуарных текстах объектом целенаправленного функционально-лингвистического анализа стала категория отрицания, проанализированы устраняющие автоматизм чтения мемуарных произведений средства ее репрезентации и воздействия на эмоционально-интеллектуальное восприятие текста адресатом, раскрывается и конкретизируется ее текстообразующая роль; сформулированы выводы о роли негативных конструкций в выражении особенностей личности автора в текстах мемуаров.

Теоретическая значимость основных результатов представленной диссертации заключается в том, что она вносит определённый вклад в последующее развитие исследований, посвященных изучению специфики средств реализации категории отрицания в мемуарных текстах. Результаты исследования способствуют выявлению на фоне прагматически обусловленных общих облигаторных характеристик категории отрицания особенностей ее реализации в мемуарах и определению ее роли в воссоздании языковой картины мира автора-мемуариста. Обращение к речевому поведению автора мемуаров и изучение средств воздействия мемуарного текста на читателя определяют перспективу совершенствования теории имплицитного компонента речевого поведения личности мемуариста, вытекающую из прагматики созданного им текста. Отдельные положения, методы и приемы анализа, представленные в работе, могут быть использованы при дальнейшем исследовании функционально-семантических категорий и их репрезентации в языке мемуарной литературы.

Практическая ценность диссертационной работы заключается в том, что полученные в ходе исследования результаты могут применяться в вузовских курсах по функциональной грамматике, функциональной стилистике, лингвопрагматике, а также в спецкурсах по лингвистическому анализу текста, языку мемуаров, изучению языковой личности автора. Результаты изучения речевого поведения автора мемуаров и средств воздействия на читателя определяют перспективу дальнейшего совершенствования теории скрытого речевого поведения личности мемуариста в аспекте прагматики созданного им текста.

Достоверность полученных результатов и выводов обеспечивается применением современных подходов к изучению текстов, комплексом методов, приемов и основательной теоретической базой, необходимой для изучения особенностей языковой категории отрицания, используемой в мемуарных произведениях. Об этом свидетельствует большое количество используемой научной литературы, близкой по содержанию к теме диссертационного исследования.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования, его результаты и выводы были представлены в докладах на

заседаниях всероссийских и международных научных конференций различного уровня (очных и заочных) в Иркутске, Красноярске, Москве, Ростове-на-Дону, Пятигорске, США и отражены в 10 научных публикациях (общий объем составляет 5,3 п.л.), в том числе в трех статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных периодических изданиях, включённых в Перечень рецензируемых научных журналов ВАК РФ, и одной статьи в коллективной монографии.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников фактического материала (7 наименований), списка теоретической литературы, состоящего из 355 источников на русском, английском и немецком языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность изыскания, формулируются его цель и задачи, раскрывается степень разработанности проблемы, определяются объект, предмет, методологическая база и методы исследования, новизна, теоретическая значимость и практическая ценность диссертации, приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретические основы исследования**» излагается изучение особенностей текстов мемуарной литературы в отечественной и зарубежной лингвистике, рассматриваются категория отрицания и языковые средства ее выражения.

Функциональная лингвистика изучает язык как систему выразительных средств, служащих конкретной цели, и анализирует речевое текстовое произведение. Она исходит из того, как реализуются коммуникативные задачи и функции элемента языка, и почему именно эти средства оказываются желательными или нет в какой-то определённой ситуации, а также выясняет, каким способом следует избегать или, наоборот, использовать его прагматический эффект. Множественность работ по изучению функционального аспекта разноуровневых языковых единиц неминуемо приводит к терминологической рассогласованности. Между тем, имеются теоретико-методологические предпосылки к выработке непротиворечивых частных терминосистем, обусловленные весомым вкладом таких учёных, как О.С. Ахманова, Э. Вюстер, С.В. Гринёв, М.Т. Кабре-Кастелли, Д.С. Лотте и др. Терминологическое поле, покрывающее набор понятий, относящихся к мемуаристике: мемуары, мемуарная литература, мемуарная проза и др., рассматривается в различных аспектах в работах Л.Я. Гинзбург, Г. Грейбса, Н.К. Ивановой, Р. Лакманн, М.Ю. Михеева, А. Ригней, Т.Г. Симоновой, М. Саундерса и др.

Мемуары (от фр. *memoirs*) представляют собой письменные произведения, в которых в разных формах закреплены воспоминания написавших их авторов о далёком и близком прошлом либо от лица участника, автора, очевидцем которых он был, либо известных ему из других источников. *Мемуарная литература* не имеет никаких специальных литературно-

художественных установок, заключая в себе преимущественно только познавательные данные, взятые в основном из реальных событий прошлого. Будучи многомерным лингвокогнитивным феноменом, мемуарная литература является одновременно важным средством, сохраняющим историческую и культурную память. *Мемуаристика* в свою очередь представляет собой специальное направление лингвистики, занимающееся исследованием языка различных разновидностей мемуаров; является опытом и диалогом времен, культур, менталитетов и др.

Авторская субъективность является характерной чертой мемуарного текста (событийная реальность, осознанная важность, правдивость, достоверность впечатлений и личных свидетельств) и выражается в том, что в содержании мемуаров присутствуют «следы судьбы» и личности автора. Они отражают, с одной стороны, события определённой эпохи, а, с другой, – содержат их осмысление автором, а также его оценку. Таким образом, в мемуарной литературе последовательно и полно происходит реализация и становление исторического самосознания личности автора.

Мемуары – это «результат взаимодействия двух путей смысловой концентрации жизненного материала: естественного, определяемого временем, его движением, сменой точек зрения на окружающее, и литературного, определяемого художественной позицией автора, его творческими возможностями, отношением к людям, к истории, к духовным ценностям» (Гаранин, Л.Я. Мемуарный жанр советской литературы. Историко-теоретический очерк [Текст] / Л.Я. Гаранин. – Минск: Изд-во «Наука и техника», 1986. – С. 151). Пересечение этих «двух путей» является точкой возникновения мемуарного жанра. При этом следует отметить, что мемуары синтетичны, а значит, в них проявляется свобода выбора в использовании форм повествования, многообразия композиционных средств и черт (обращение к памяти человека, исповедальному тону, субъективности). Использование собственных воспоминаний, памяти других участников различных событий, личных записей, публикаций, писем, документов и пр. свидетельствует о таком свойстве мемуаров как *документальность*.

Интерес к категории отрицания в ряде наук можно объяснить многоликостью данного языкового феномена. С позиции философии данная категория существует в стремлении и желании человека разграничить мир на «свой» и «чужой», базируется на восприятии или отторжении реальной действительности людьми, у которых понимание этой действительности многообразно. Будучи тесно связано с утверждением, отрицание в любом случае заключает в себе неопределённое утверждение, а во всяком утверждении заключён целый ряд отрицаний. Отрицание предстает таким специальным языковым средством, которое служит и для выражения идеи об отсутствии некоторых положений, никогда и нигде не имеющих места.

Языковая категория отрицания выступает в качестве одной из категорий, которые отражают взаимосвязь языка и объективной действительности, языка и мышления. Эта категория обнаруживает непосредственную связь с субъектом речи (человеком), так как именно человек и устанавливает эту связь в процессе

коммуникации. Данная категория также реализуется при помощи нейтральных отрицательных и отрицательных моделей, которые отражают степень выражения эмоциональности адресантом. Отрицание может быть выражено как имплицитно, так и эксплицитно. Особенности значения данной лингвистической категории в языках обуславливают существование большого выбора языковых средств ее выражения, в том числе лексикализованных. Негация выражается отрицательными конструкциями, имеющими значение существования и называемыми *бытийными* или *экзистенциональными*, отдельными словами (*не, ни, нет, нельзя, not, neither, nor, nein, nicht* и др.), аффиксами (приставок *не-, без-, im-, it-, non-* и др.), местоимениями, наречиями с префиксами *не-* и *ни-*, *по-* и др., а также без использования специальных языковых средств в тех случаях, когда идея отрицания содержится в лексическом значении слова (*не согласиться – отказаться*) и др. В целом, отрицание передает идею того, что в высказывании связь между языковыми элементами осмысливается как действительно отсутствующая или несуществующая.

Несмотря на наличие ряда теоретических трудов, посвященных категории отрицания (К.Д. Дондуа, В.Н. Бондаренко, Л.В. Савельева, В.М. Труб и др.), спорными для лингвистики оказываются такие вопросы, как отношение отрицания к модальности высказывания, его статус, а также разграничение частной и общей негации, различение отрицания имплицитного, эксплицитного и т.д. *Общее отрицание* представляет собой отрицание, стоящее при главном члене предложения или сказуемом, которое выражает предикативный признак и придаёт всему предложению отрицательное значение. В свою очередь, *частное отрицание* является отрицанием, не относящимся к ситуации в целом, а только к какому-то определенному ее участку, т.е. отрицание имеет частный характер, связанный в предложении актуальным членением. При семантическом рассмотрении этого явления выясняется, что частноотрицательное предложение, наряду с общим отрицаемым, может содержать в себе разные элементы положительной (позитивной) характеристики ситуации (явления), которая выражается предложением. Отрицательное слово *нет* входит в состав противительной конструкции и может включать в себя значение отрицания присутствия, существования и наличия факта в отрицательных предложениях (Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой [Текст] / В.Н. Ярцева. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. – С. 355). В частности, в русском языке частица *не* может находиться перед спрягаемой формой глагола и перед второстепенным членом – частным отрицанием одновременно, если *не* стоит перед словоформой, которая зависит от глагола.

В данной работе мы акцентируем внимание на следующих видах отрицания, выявляемых с учетом различных особенностей их функционирования в разных типах повествовательных предложений: отрицание общее – это отрицание полное непротивопоставительное, а отрицание частное – это противопоставительное отрицание (полное) и неполное (частичное).

Существует несколько синтаксических типов общеотрицательных предложений: предложения с присловным отрицанием, отрицанием предикатным, отрицанием смешанным, предикатным и кумулятивным. Очевидно и то, что только общеотрицательные предложения могут соответствовать различным утвердительным предложениям (при разном морфологическом выражении предиката), так как в частноотрицательных отрицается только часть смысла. Такие высказывания в форме сложных предложений имеют утвердительный смысл, и их можно рассматривать наравне с другими, как высказывания эмфатические (произносимые с особым напряжением, насыщенные, высокопарные).

Отрицание в речевом взаимодействии требует от адресата введения уточнений, заострения тех или иных аспектов, разъяснений, снятия противоречий или обозначения несогласия, помогает воспринимать содержание сказанного, акцентировать внимание на обсуждаемом предмете и его характеристике. Таким образом, при помощи отрицательных предложений у говорящего есть возможность расширить информационное пространство адресата и предоставить ему возможность более активного восприятия описываемой действительности. Данное позволяет считать, что отрицательные конструкции, употребляемые в целях речевого воздействия, рассматриваются в описаниях прагматической функции. В прагмалингвистический контекст включаются три существующих подтипа: дейктический (при ситуации монолога и диалога), общекультурный (сдержанность, невозмутимость и самообладание) и общий дискурсивный контексты (определение знаний и взаимоотношений говорящим / слушающим (автором / читателем) при ситуациях описаний коммуникации).

Во второй главе **«Коммуникативно-функциональные и прагматические особенности грамматического отрицания в мемуаристике»** исследуются коммуникативно-функциональные аспекты содержательного характера текста, контекстные условия употребления отрицания, а также прагматическое воздействие языковых средств отрицания.

В последние годы XX в. появился повышенный интерес к изучению функционального аспекта языка (М.Н. Кожина, О.И. Москальская, Е.С. Кубрякова, С.Г. Ильенко), т.е. языковой стороне текстов различной природы (художественных / нехудожественных), в том числе и мемуарных. В рамках данной работы проводится исследование категории отрицания, средств ее языкового выражения в функционально-коммуникативном и прагматическом аспектах в текстах мемуаров выдающегося отечественного кинорежиссера А. Кончаловского *«Возвышающий обман»* и *«Низкие истины»*, который, с одной стороны, информирует читателя о его жизни в России и за рубежом (в Америке, Европе), а, с другой стороны, оказывает на них определенное воздействие, связанное с морально-нравственными установками самого автора. Этому, прежде всего, служат авторские афоризмы, категорически отрицающие все, что, по его мнению, нарушает нормы поведения и не соответствует простой человечности.

Исходя из того, что основное свойство любого текста – это новая информация, ее передача, так как в процессе восприятия текста раскрывается его содержание (Новиков, А.И. Семантика текста и её формализация [Текст] / А.И. Новиков. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – 216 с.), следует отметить, что *информационная функция мемуаров*, как публицистических текстов, безусловно, является стилеобразующей. Мемуарист первым делом стремится сообщить читателю о произошедших с ним событиях, что отражается как в характере его коммуникативных задач, так и в их речевой реализации. Одно из главных свойств мемуарного текста заключается в единстве его внутренней и внешней форм: 1) внешняя форма включает в себя замысел и авторское содержание вместе с языковыми средствами, используемыми и реализуемыми мемуаристом; а 2) внутренняя форма состоит из мыслительного интеллектуального восприятия текста человеком.

Экспликации временной последовательности в мемуарах способствует адвербиальная лексика с отрицательной семантикой, представленная темпоральными наречиями, обозначающими или момент в недалеком прошлом (недавно) или наречиями отрицания со значением повторяемости (никогда): *«В совсем недавно открывшемся музее Андрея Рублева в Андронниковом монастыре был выставлен его Спас, и чем-то черты этого Спаса напоминали Васю. Может быть, от этого сходства и пришла ему идея фильма? Потом Ливанов уехал сниматься, а мы с Андреем решили не ждать и сели работать»* (Кончаловский, 1998: 123).

Информационная функция мемуаров тесно связана с *воздействующей* или *экспрессивной функцией*. Необходимость комментировать факты, события, поступки предполагает их многоаспектную оценку. Это означает, что функция воздействия реализуется в тексте мемуаров, прежде всего, как *оценочная*, поскольку неотъемлемой чертой любых мемуаров является именно авторская личная оценка, отражающая форму постижения писателями объективной картины прошлого.

Взаимодействие указанных функций определяет употребление разноуровневых языковых средств в текстах мемуаров. В этом, на наш взгляд, и заключается одна из характерных черт мемуарного жанра. Тексты мемуаров несколько не уступают по экспрессии текстам художественной литературы: им также присущи различные стилистические и лексические средства, риторические фигуры. Возможно, что основной стилистический принцип мемуаров, как публицистических текстов, определяется единством, сопряжением экспрессии и стандарта (Костомаров, В.Г. Русский язык на газетной полосе [Текст] / В.Г. Костомаров // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М., 1974. – С. 23).

Негативно-оценочная лексика в мемуарах, как правило, отражает социальную оценку предметов и явлений общественной жизни, равно как и отношений между личностями (следует отметить, что данное намерение реализуется мемуаристом при помощи комплимента, критики или колкости): *«Работала она истово, но характер – не сахар!»* (Кончаловский, 1999: 39).

Значительная роль в репрезентации категории отрицания, безусловно, принадлежит отрицательным местоимениям. Так, семантика отрицательного местоимения *никакой* со значением отсутствия признакового содержания может выражать как негативную, так и позитивную оценки: «*А может быть, никакой бабочки и не было?*» (Кончаловский, 1998: 134). Оценочные значения *никто*, *ничто* появляются в результате метафорической субстантивации, основанной на переносе исходного отрицательного значения местоимённых слов – «отсутствии чего-либо даже в самом малом количестве»: «*Никто не живет по истине*» (Кончаловский, 1998: 357), «*Нас ничто не объединяло – ни с Неизвестным, ни с Глазуновым..., но все равно было чувство общности*» (Кончаловский, 1998: 67). Функционирование лексем *никто* и *ничто* схоже вследствие их общей референциальной природы, обобщающего значения «все»: «*Ничто в этом мире не делается даром*» (Кончаловский, 1999: 324). В подобных высказываниях, где объектом оценки является социальное явление, использование *никто* и *ничто* свидетельствует о категоричности мнения, осуждении мемуаристом объекта. Подобную категоричность суждения о крайней степени отсутствия какого-либо признака, характеристики или объекта социальной реальности или личности выражает употребление предлога «без»: «*В России к закону всегда относились без уважения. Нельзя объяснить это отсутствием культуры: культура в России есть, глубокая, ей уже тысяча лет. Другое дело, что российская культура не включает в себя законопочитания, как культура протестантская или конфуцианская...*» (Кончаловский, 1999: 319). Употребление отрицательного местоимения *ничего* в текстах мемуаров усиливает значение отрицания до предела, обозначая отсутствие чего-либо или бесполезность действий: «*Мы с Андреем ходили к Бондарчуку... А может, он понимал, что и его вмешательство ничего не даст?*» (Кончаловский, 1999: 49–50). В составе междометной конструкции *ничего себе*, по замечанию Г.А. Золотовой (1982), относящейся к «реактивному речевому регистру», *ничего* в зависимости от коммуникативных намерений говорящего демонстрирует целый спектр эмоций от удивления, изумления и потрясения до возмущения: «*Письмо ему мама, кстати, написала по просьбе Молотова. Ничего себе просьба! Попробуй, откажись!*» (Кончаловский, 1998: 24).

Следует отметить, что одним из средств экспрессии и выражения оценки посредством категории отрицания в текстах мемуаров является, безусловно, *контраст*, понимаемый как словесно-художественное отражение противоречий и конфликтов реальной действительности, которые оказывают на читателя определенное эстетическое воздействие (Андреева, Г.В. Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе [Текст] / Г.В. Андреева // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984. – 51 с.). В тексте он проявляется как многослойное явление и находит свое выражение в системе так называемых разноуровневых оппозиций (стилистических, синтаксических, лексических). В таком качестве контраст может примыкать к другим компонентам текста, которые устанавливают связность, а также имеет возможность для установления иерархии различных элементов, смыслов в

тексте и определять между ними связи. В анализируемых нами мемуарах контраст вплетается в текстовую структуру в виде различных вкраплений: 1) при дистантном и контактном расположении пар антонимов; 2) антитезных (сопоставление противоположных и контрастных образов) противопоставлениях. Например, в мемуарах присутствуют антонимы, позволяющие увидеть контрасты, являющиеся в предложениях сцепляющими словами (не всегда – всегда, впереди – позади) и противопоставленные как ложь – правда, смысл – бессмысленность: *«Моей вере они, естественно, не мешают, но и не то чтобы ей способствуют»* (Кончаловский, 1998: 9).

Ещё один «оценочный» разряд мемуарного словаря, обнаруженный нами при проведении анализа мемуарных текстов, – это строевая лексика с отрицательной семантикой, включающая в себя те языковые единицы, которые формируют строй речи, участвуют в создании характерных оборотов, фразеологических единиц и пр., типизируя и стандартизируя язык конкретной лингвокультуры. Так, фразеологизм *«ни копейки»* имеет экспрессивное значение безденежья, полного отсутствия денег, в свою очередь разговорный ироничный фразеологизм *«ни ответа, ни привета»* оценивает отсутствие реакции или сведений от конкретного лица, и, как правило, используется в тех случаях, когда кто-либо не отвечает или не реагирует на что-либо (Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / А.И. Фёдоров. М., 2008): *«Никто нас не встретил. Продюсер о договоренной встрече забыл... Отец не было. Денег ни копейки не было»* (Кончаловский, 1998: 178); *«Ничего не подозревая, мы отпустили Наташу. Съёмки в тот день не было. На следующий день – ни ответа, ни привета. Время снимать – снимать не можем. Я позвонил ей домой, в ответ прерывающимся голосом ее мама сказала, что я негодяй, что Наташа на съёмки больше не придет. С нами не захотели и разговаривать»* (Кончаловский, 1999: 31).

Следует отметить, что функция экспрессивности категории отрицания представлена в мемуарах конструкциями экспрессивного синтаксиса. Так, все отрицательные конструкции А. Кончаловский дополнительно окружает экспрессивным фоном либо при помощи вопросительных экспрессивных высказываний, будто бы наделенных обратным смыслом (повествовательным), либо в результате применения отрицательных языковых повторов, антитестических сопоставлений и асиндетона. Также мемуарист использует такой усилитель отрицания, как частица *ни*, что приводит к появлению двойного отрицания. Категория негации блестяще используется А. Кончаловским в усилительных фигурах при помощи повторов, которые усиливают эмоционально-экспрессивное звучание текста. При этом следует отметить, что эмоциональность является психологической характеристикой личности, участвующей в коммуникативном процессе, свойством человека, характеризующем содержание, качество и динамику человеческих эмоций и чувств.

Особый интерес у лингвистов вызывает проблема изучения двойного отрицания, присущего, прежде всего, русскому языку, и понимаемое как

присутствие при главных членах предложения (общеотрицательного) или в составе составного сказуемого двух отрицаний. В результате этого появляется категорическое утверждение с разнообразными оттенками необходимости, неизбежности, долженствования, обязательности, происходит отрицание отрицанием. В русском языке двойное отрицание принимает разные формы (Хосейни, А., Ганбари-Эрди, Ф.С. Двойное отрицание в русском и персидском языках [Текст] / А. Хосейни, Ф.С. Ганбари-Эрди // Молодой учёный. – 2015. – № 3. – С. 983–987): присутствует в слове имплицитно, т.е. оказывается внутрилексемным; проявляется внутри лексической единицы в сочетании с двумя эксплицитно отрицательными морфологическими элементами; является маркером просторечных и диалектных форм, имея особый стилистический характер и выражая определённые коммуникативные и когнитивные цели. Интересно мнение о том, что два отрицания часто могут взаимно погашать друг друга, так как логически два отрицания дают именно утверждение: «*На излете опальных времен, когда в Москву приехал де Голль, деда не могли не пригласить на прием*» (Кончаловский, 1999: 32). Как показывает развитие общей истории использования отрицательных выражений, в их употреблении всегда наблюдалось своеобразное непостоянство.

Усиление отрицания понимается как негация с помощью отрицательных наречий и местоимений, которые усиливаются отрицательными частицами *не/ни, neither ... nor* и др. В высказываниях оно достигается при тесном взаимодействии со всевозможными средствами, выражающими отрицание, и другими различными явлениями языка: интонацией, синтаксическими повторами, специальными синтаксическими единицами, союзами, союзными словами, усилительными частицами и др. (Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов [Текст] / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Изд-во «Просвещение», 1976. – С. 264).

На наш взгляд, необходимо разграничивать усиленное отрицание и двойное отрицание. Так, в высказывании *усиление отрицания* происходит тогда, когда различные средства выражения отрицания непосредственно взаимодействуют с другими явлениями языка, а именно: нарушением порядка слов, введением усилительных частиц, специальных лексических единиц, союзов и союзных слов, использованием фразеологизмов, особенной интонации и т.п. Однако основным средством усиления отрицания следует считать использование синтаксических повторов. Как правило, главным назначением повтора считается – смысловое, а также эмоциональное усиление каких-либо компонентов высказывания или текста. Повтор как стилистический прием, выполняя стилистические задачи, может служить для выделения определенного отрезка коммуникации. Стилистическая и прагматическая сущность повтора, являясь прямым следствием его языковой природы, обычно заключается в его усиленном особом воздействии эмоционального и логического характера на читателя (Сарина, З.М. Прагматические основания использования повтора в речевых формах // Дис. ... канд. филол. наук [Текст] / З.М. Сарина. – М.: 1999. – 145 с.). Повтор необходим и для того, чтобы высказывание автора оказалось достаточно доходчивым для читателей; он

придаёт мемуарному тексту динамичность и делает авторское высказывание наиболее ярким и образным, что помогает в достижении коммуникативно-прагматического эффекта: *«Всегда есть **какие-то** свои маленькие секреты, которые им доверять **нельзя**. Всегда хочется того, чего **нельзя**. Просишь разрешения – тебе **не позволяют**. **Не позволяют** – значит, хитришь, обманываешь. Мама все равно **не верит**, все равно наказывает»* (Кончаловский, 1998: 50).

Чтобы усилить отрицательное значение в русском языке, употребляется частица *не* вместе с повторяющейся частицей *ни*. В отрицательном предложении ее место не всегда является постоянным: *«**Ни** богатство, **ни** заслуги **не помогли** человеку войти в этот элитарный круг»* (Кончаловский, 1999: 322). Усиление отрицания происходит при помощи какого-либо слова, означающего невозможность, или посредством отрицательного наречия, имеющего значение *всегда*, а также высказывание может содержать контрастные отношения утверждения и отрицания: *«**Никогда не узнаешь**, что в голове у женщины, хотя порой бывает и видно, чего она хочет и чего **не хочет**, чего боится, чего **не боится**. **Никогда нельзя** заставлять женщину делать что-либо вопреки ее желанию...»* (Кончаловский, 1999: 327).

Характерно и то, что многие отрицательные наречия и местоимения в русском языке могут образовываться при помощи таких частиц, как *не*, *ни*, а также от вопросительных местоимений. В настоящее время они рассматриваются в составе отрицательных наречий и местоимений с префиксами: *ничего*, *никто*, *некого*, *ничей*, *незачем*, *некому*, *некуда* и т.п. Усиление отрицательного смысла сложноподчиненного предложения, в свою очередь, происходит из-за того, что частица *даже* стоит перед такой отрицательной частицей, как *не*: *«Я подумал, если эта женщина в течение семнадцати лет **даже не позволила** мне узнать, что у нее от меня ребёнок, мне **уже не важно**, чья это дочь»* (Кончаловский, 1999: 306).

Еще одним средством усиления отрицания является использование отрицательной лексемы *нет*, которая может несколько раз повторяться в самом начале предложения, входить или не входить в состав этого предложения: *«**Нет ничего** изобретательней фантазии ревности»* (Кончаловский, 1999: 332). При таком порядке в высказывание вносится четкое значение твердой уверенности в истинности того, что сказано, т.е. в данном случае – значение полного категорического отрицания. В мемуарах А. Кончаловского отрицательные наречия и местоимения в рамках одного и того же высказывании носят значения обобщения и указывают на признаваемое всеми отсутствие указываемого явления: *«Налогов в России **никто не платит**...»* (Кончаловский, 1999: 311). Следовательно, в мемуарах значение отрицания может быть усилено стилистическими и лексико-грамматическими средствами.

В процессе написания своих мемуаров А. Кончаловский стремится репрезентировать свои высказывания при помощи таких языковых средств, которые подходят для выражения его иллокутивных намерений. Такой выбор можно назвать прагматическим, т.е. используемым с целью донести до

адресанта авторскую прагматическую установку. При прагматических исследованиях человек выдвигается на главное место, потому что он является субъектом речевой деятельности.

Для мемуаров А. Кончаловского характерны такие *категоричные речевые акты* с отрицанием, как: а) указывающие на отсутствие чего-либо *констативы* (по терминологии Дж. Лича – декларативные отрицательные предложения, описывающие мир и оцениваемые по шкале истинности): «*Я сидел без работы, без перспектив на работу. Потом группа, в которой был он, уехала в Нью-Йорк, я отправился туда, специально чтобы с ним увидеться*» (Кончаловский, 1998: 149) и *перформативы*, к которым не относится истинностная оценка и которые не описывают мир, а, будучи действиями, преобразуют его: «*У деда был интересный характер. Он никогда не входил ни с кем в конфликт, обо всём говорил иронически, в первую очередь – о советской власти*» (Кончаловский, 1999: 32).

Речевые акты негативной реакции могут выразить разные мысли, чувства и действия, среди которых можно назвать возражение, несогласие, опровержение, а также выражение недовольства, осуждения и / или неодобрения: «*Сама бабушка носила чулки нитяные, непрозрачные. После этого скандала мама сказала: “Всё! Больше я сюда не приеду”*. Помню, я провожал её до станции, она рыдала: “*Неужели я не могу носить чулки, какие мне нравятся?*”» (Кончаловский, 1998: 25).

Речевой акт запрещения включает в себя требование не совершать какое-либо действие: «*Всегда есть какие-то свои маленькие секреты, которые им доверять нельзя. Всегда хочется того, чего нельзя*» (Кончаловский, 1998: 50).

Ситуативные речевые акты мемуарных текстов, как правило, включают в себя значения: а) признания своего незнания чего-либо, неосведомлённости в чём-либо: «*Я и не ведал, какая страшная жизнь была вокруг. Нас она словно бы не касалась. Точнее, это тогда я не ведал, какая она страшная и что касается всех – нас, естественно, тоже*» (Кончаловский, 1998: 16); б) непонимания, как результат несоответствия когнитивных, социальных и культурных парадигм между адресантом и адресатом при обмене информацией: «*Как ни странно, Андрей, снится мне чаще, чем кто-либо*» (Кончаловский, 1999: 83); в) удивления, как состояние, вызванное каким-либо событием или явлением, впечатляющим своей неожиданностью, необычностью и странностью: «*Ты не видишь, здесь написано, что ты должна заплакать. Ты будешь плакать?*» (Кончаловский, 1999: 79).

К *слабым речевым актам* следует отнести имплицитные значения сомнения и уточнения: «*Премьера ее состоялась через двадцать лет. Я волновался. Я беспокоился, не устарела ли картина. Нет, не устарела. Она – как хроника, а хроника не стареет*» (Кончаловский, 1999: 50); *опасения, неуверенности*: следует отметить, что вопросительные и восклицательные отрицательные предложения с указанными значениями имеют риторический экспрессивно-эмоциональный характер позитивного высказывания или несут риторический смысл: «*Что такое любовь и почему она не вечна?*» (Кончаловский, 1998: 7). В целом, анализ предложений показывает, что

разнообразные высказывания с отрицанием часто имеют экспрессивный и риторический потенциал, возрастающий при использовании различных лексических средств их интенсификации. Отрицательные предложения различаются выражением модальных значений, и это является основанием, чтобы противопоставлять их утвердительным предложениям. Как правило, они выражают субъективную модальность в виде возможности или неуверенности в чем-либо.

Таким образом, становится очевидным, что рассмотренные нами языковые средства, функционируя в мемуарном тексте, не только обеспечивают реализацию творческого замысла автора в отношении идейно-тематического содержания мемуаров, но и его жанрово-композиционное своеобразие и собственную авторскую позицию, выражаемую посредством его эмоций и оценок изображаемого события, т.е. экспрессии.

В третьей главе «Лингвоперсонологические аспекты выражения отрицания при представлении образа автора мемуаров А. Кончаловского и его картины мира» исследуются характеристики личности автора А. Кончаловского на основе речевых особенностей предложений с отрицательными конструкциями в текстах его мемуаров. Отрицательные конструкции рассматриваются как речевое отражение эгоцентризма автора мемуаров, средство демонстрации морально-этических установок, отражение эмотиосферы личности А. Кончаловского, а также как маркер его активной социальной позиции.

В каждой личности, как вербального активного субъекта деятельности, одновременно присутствует комплекс взаимосвязанных качеств, включающий в себя не только эмоциональные и интеллектуальные, биологические и психологические, но и этноспецифические и общечеловеческие, социальные и индивидуальные, объективные и субъективные характеристики. Это значит, что любой язык отражает национальную культуру того или иного народа, являющегося носителем его языка. Триада «человек – язык – культура» в языковой картине мира находит свою основную реализацию.

Будучи свободным, удаленным по времени изложением произошедших событий, основанным на фактах, подтвержденных и апробированных личной жизнью автора, мемуарный текст создает завершенную историческую и эстетическую картину прошлого, возвращает в подлинную реальность. Доминантой мемуаристики являются ностальгия, нежелание уходить в забвение, покаяние. Мемуарная литература является как антропоцентрическим, так и эгоцентричным повествованием (*я, здесь и сейчас*) с сильным личным началом, обладающим фактической (социально-исторической) точностью. Личное, психологическое и историческое могут расходиться или сближаться в авторе-персонаже мемуарных текстов. Используя общее и частное отрицание, мемуарист достаточно самолюбиво и откровенно описывает свою личность: *«Я люблю себя. Если честно – я себя обожаю. За что – не знаю. Наверное, за то, что я умный, талантливый, красивый. В газетах пишут про мою улыбку: ослепительная, голливудская. Действительно, голливудская. Зубы-то не мои. Зеркало показывает не всё»* (Кончаловский, 1999: 7). Автор-эгоцентрик

сосредоточен на своем «Я», отъединенном от других людей, фокусируясь на своей индивидуальности, переживаниях, собственных интересах и ощущениях. Местоимение первого лица (я в именительном падеже и в косвенных падежах) выполняет функции семантико-лингвистической основы в развитии авторского образа, референциально соотносится с именем автора произведения, выступая в эгоцентричных мемуарных текстах для обозначения рассказчика-повествователя, одновременно являющимся и персонажем, и автором.

«Я» вспоминающее в роли когнитивного субъекта стоит всегда на линии пересечения двух миров – настоящего и прошлого времени. Звеном, которое связывает эти две временные эпохи, может выступать контекст мемуарного текста. Очевидно, что языковую личность говорящего «Я» устранить невозможно, даже если в мемуарном тексте отсутствует само местоимение я. Мнемонический мемуарный текст, являясь своего рода монологом «Я» повествующего, отражает речевое взаимодействие с окружением автора посредством разговорно-диалоговых форм речи. Языковая композиция с различными точками видения помогает взаимодействовать и переплетаться разным пространственно-временным планам: *«С возрастом начинаешь понимать, что какие бы **неудачи и неприятности** тебя ни преследовали, какие бы унижения, разочарования, удары ни пришлось пережить, твоя судьба все равно удачливее, чем у тысяч других, а у тех других – чем у миллионов, еще более обделенных и битых жизнью...»* (Кончаловский, 1998: 54).

В контексте отдельного, законченного текста мемуаров, автор не акцентирует внимание исключительно на своей, бесспорно, выдающейся персоне, а представляет читателям образы живших и ныне здравствующих людей разных вероисповеданий, сословий, характеров, с отличным друг от друга отношением к жизни. Так, в мемуарах А. Кончаловского присутствует целая галерея реальных знаменитых личностей: А. Белый, И. Бунин, М. Горький и др. В таком случае, когда мемуарист намерен уделить больше текстового пространства описанию других людей, его эгоцентризм, как автора-рассказчика, может быть представлен двумя видами – явным или тeneвым. Включение в содержание мемуаров жизнеописания не только самого автора, но и ряда других героев, их жизненной активности, полнота которого зависит от манеры авторского повествования, места в мемуарном сюжете того или иного персонажа, степени его знакомства с автором, также значимости с точки зрения мемуариста: *«Чухрай и создал студию, которая должна была жить ... **не** на государственной дотации. Увы, студия была обречена: ее, как и всю попытку демократизации экономики, **не могла** потерпеть ошестившаяся партийная бюрократия»* (Кончаловский, 1999: 53).

В каждом конкретном социуме складывается такая система ценностей и традиционных этических идеалов, которая и определяет понятия о моральных ценностях, а также нравственные установки, характерные для данного общества. А значит, основные нравственные ценности усваиваются индивидом в процессе личностной социализации. Они закреплены накопленным жизненным опытом индивидов, совокупностью устоявшихся понятий о добре и

зле, а также других нравственных категорий конкретного общества. Понятия о нравственных ценностях регулируют мотивацию индивидов, их моральный дух и умонастроения в социуме (Теоретические проблемы..., www). Соответственно, основными социальными функциями нравственности, помимо регулятивной, также следует признать ценностно-ориентационную и социализирующую. Интересна точка зрения С.Д. Лаптёнок, согласно которой, чем нравственно воспитаннее личность, тем добровольнее она соблюдает моральные предписания общества и семьи (Лаптёнок, С.Д. Нравственная культура личности: условия формирования [Текст] / С.Д. Лаптёнок. – Мн., 2003. – С. 648). Так, честность автора присутствует в изображении самого себя, даже при описании отрицательных черт своей внешности или характера. Кроме того, автор честно признаётся с помощью негативных конструкций в том, что некоторые события, имеющие общественный характер, воспроизводятся им на основании описания близких людей или просто знакомых, но не известны ему по личному опыту. Честность показана автором как наиболее важная составляющая характеристики личности: *«Нет, он мог не бояться смотреть людям в глаза»* (Кончаловский, 1998:18). А. Кончаловский как автор в достаточной мере искренен и честен перед читателем, иногда делая признания посредством утверждения, равного отрицанию отрицанием: *«Нигде не были расставлены морализирующие точки. Мы не могли не любить героев, точно так же, как не могли не понимать неправоту дела, за которое они борются. Убийство секретаря обкома, умирающего на руках у своего убийцы, воспринималось как новая библейская притча о братоубийстве»* (Кончаловский, 1998: 135). Отрицание помогает А. Кончаловскому реализовать на бумаге поиски правды, определить степень достоверности той или иной общественно важной или личной информации.

Проявление эмоций являются неотъемлемой частью человеческого поведения, сознания и мышления. Однако А. Кончаловский при описании прошлого, настоящего и возможного будущего конкретен, достоверен и предельно ясен. Насыщенные эмоционально-экспрессивными средствами высказывания чужды мемуарам А. Кончаловского, что можно объяснить его эмоциональной сдержанностью в высказываниях, касающихся описания историй о человеческих судьбах. В его текстах образы героев описываются эмоционально в разумных пределах, но при этом уважительно: *«Мы с Тарковским росли под знаком отрицания многого из того, что было в кинематографе. Картины Пырьева вызывали у нас приступы смеха. Мы не признавали его точно так же, как поколение деда не признавало Репина»* (Кончаловский, 1998: 46).

На синтаксическом уровне речевая экспрессивность в текстах мемуаров реализуется в виде вопросительных, восклицательных, риторических и парцелированных конструкций, с помощью которых мемуаристы имеют возможность выражать свое личное отношение к социуму, облегчить процесс восприятия текста читателем благодаря использованию разнообразных междометий и частиц. При наличии в восклицательных предложениях эмоциональной окрашенности в текстовых фрагментах появляется элегический

тон, вызывающий у читателя сочувствие по отношению к герою: «*А работа над картиной кипела вовсю, не останавливаясь ни на день!*» (Кончаловский, 1998: 301).

Отрицательные конструкции функционируют как маркер социально активной позиции А. Кончаловского, отражающей высокую степень социализации гражданина, предполагая его желание и стремление оказать позитивное воздействие на окружающую его действительность. Содержание мемуарных текстов свидетельствует о том, что автор мемуаров осознанно придерживается идеи, высказанной ещё Н.Г. Чернышевским: если человек не принадлежит своей Родине, то, значит, он не принадлежит и всему человечеству. Любовь к Родине проявляется у А. Кончаловского, прежде всего, в его неравнодушии к соотечественникам, их судьбам, социально-историческим событиям страны: мемуарист обильно называет и описывает различные персоналии, их имена и фамилии, социальный статус, определяющий их права, обязанности и образ жизни, родственные отношения и пр., каждый раз проявляя заинтересованность в их судьбе, раскрывая характер их личного «Я». Автор размышляет и приводит обобщенный образ общества, к которому принадлежит сам, выявляя отрицательные характеристики: «*Еще не было Чернобыля, но результаты неграмотной политики уже давали свои кошмарные плоды*» (Кончаловский, 1999: 143). Указанные примеры ориентированы на читателя и имеют форму обобщающего изречения; они также иллюстрируют проявление таких качеств, как способность мемуариста сочувствовать и сопереживать другим: «*Пережив войну, самое страшное, что, казалось, больше никогда не должно повториться, люди хотели родить ребенка*» (Кончаловский, 1998: 360). Сочувствие и неравнодушие А. Кончаловского являются его основным приоритетом в общении с людьми, что, бесспорно, находит свое отражение в языке мемуаров. Красной нитью проходит философия автора, заключенная в идее, что «мне не может и не должно быть все равно», ставшая принципом его гражданской позиции. Тема неравнодушного гражданина звучит при описании политических проблем и событий (философско-религиозных, моральных и др.), произошедших на его Родине.

В целом, совокупность ценностных установок А. Кончаловского характеризуется устойчивостью и непротиворечивостью. Она обуславливает такие качества его личности, как цельность, надежность, верность принципам, способность к волевым усилиям ради нравственных идеалов, активность моральной жизненной позиции. Его социально активная позиция есть антипод равнодушия и отстраненности, поскольку мемуарист проявляет живой интерес всему происходящему в России, принимает участие в социально-значимых событиях и стремится внести определенный вклад в окружающую его действительность. Потому картина мира мемуаров А. Кончаловского предстаёт как сложное образование, вобравшее в себя ее части, своеобразные аспекты национальной картины мира: исторический, политический, культурологический, языковой, концептуальный, образно-художественный и др. Она имеет свой индивидуальный характер, основываясь на

ретроспективном изображении событий, ассоциативном и хронологическом принципах построения повествования.

В мемуарах А. Кончаловского одной из важных составляющих является осмысление автором проблемы судьбы человека и его предназначения в мире. Наличие значительного количества высказываний с отрицанием в текстах мемуаров А. Кончаловского обусловлено диалектикой постоянно развивающихся человеческих знаний об окружающем мире, что, в частности, находит свое отражение в назидательном характере языка: *«Нельзя ненавидеть себя и любить человечество»* (Кончаловский, 1998: 10). Назидательные предложения с антитезой, предикативом *нельзя* и с глаголом-инфинитивом совершенного вида могут представлять собой собственно отрицательные инфинитивные конструкции и означать невозможность осуществления чего-либо: *нельзя ненавидеть* – в предложениях *нельзя* можно соотнести с *невозможно: нельзя ненавидеть* – ‘невозможно ненавидеть’. Подобные предложения могут также означать запрет.

На наш взгляд, назидательный тон А. Кончаловского – это следование доброй традиции Н.Г. Чернышевского, В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, во времена которых литературные произведения создавались с определенной идейной целью, а именно: поучения, душеспасительности и пр. Назидательность в мемуарах А. Кончаловского способствует и реализации коммуникативного назначения языка: мемуарист таким образом вступает и поддерживает прямой диалог с читателем, напутствует и наставляет его на путь истинный, желая предупредить его возможные ошибки с позиции своего жизненного опыта. Высказывания назидательного характера включают в себя отрицательные конструкции вместе с лексемой *«нет»*, обращенные к себе в виде внутренней авторской речи и представляющие негативную оценку мемуариста: *«А если у тебя нет времени сделать добро, значит, у тебя нет времени стать хорошим человеком»* (Кончаловский, 1999: 9). Подобные афоризмы А. Кончаловского не доказывают и не аргументируют, но, совершенно очевидно, воздействуют на сознание читателя оригинальной формулировкой мысли мемуариста: *«Не отстрадав положенное, не много шансов стать признанным»* (Кончаловский, 1998: 375). В таких фрагментах текста и прослеживаются духовные ориентиры автора, линия его судьбы.

Мемуарам А. Кончаловского свойственны экстравертные воспоминания с назидательным уклоном и интровертные, которым присуще глубокое авторское осмысление описываемых произошедших событий, аналитически-философские размышления, постановка верных морально-нравственных ориентиров: *«У каждого художника есть граница, дальше которой идти как бы нельзя. Желание перешагнуть её, проверить себя, свои возможности, на их максимуме, на последнем пределе у меня возникло очень давно, но и по сей день ощущаю, что никогда по-настоящему не сделал этого, не снял своей лучшей картины»* (Кончаловский, 1998: 375).

Среди мотивов обращения к религии, как правило, отмечают чувство страха, эгоцентрические мотивы, бескорыстные убеждения, интерес, нравственные идеалы, угрызения совести и сознание греха, соблюдение

религиозного учения, пример и подражание, принуждение и даже общественное давление (Ионова, С.В. Эмоциональная интерференция в тексте // *Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности* [Текст] / С.В. Ионова. – Волгоград: Изд-во ВГПУ, 2004. – С. 120). Будучи существом духовным, интеллектуальным и вместе с тем телесным, человек вынужден реагировать на дихотомию своего существования (Фромм, Э. Сумерки богов [Текст] / Э. Фромм. М.: Политиздат, 1989. – С. 159). В духовно-ценностной сфере А. Кончаловского значительную роль играет религиозный поиск: *«И все же понимание Авраама как отца иудейства, христианства и мусульманства помогает нам осознать, что все три религии рождены одной. Он не укладывается ни в одну из них, ни во все три, вместе взятые. Авраам не иудей, не христианин, не исламист, он просто человек, доверивший себя Богу, и в этом для нас пример. Дух Авраама есть выражение безусловного доверия Богу»* (Кончаловский, 1999: 316–317).

Очевидно, чтобы сделать текст мемуаров более интересным, автор чередует повествование о социально значимом и личном, используя при этом в разных пропорциях прямую и косвенную речь. События сообщаются через собственное авторское восприятие, которое так или иначе деформирует объективную истину.

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного исследования, делаются выводы по проделанной работе и намечаются перспективы дальнейшего анализа литературы мемуарного жанра, а также языковой категории отрицания, имеющей значительные перспективы глубокого исследования на материале различных языков.

В ходе проведенного исследования разноуровневых языковых единиц, при помощи которых в мемуарных текстах А. Кончаловского *«Низкие истины»* и *«Возвышающий обман»* выражается отрицание, нами были выявлены и установлены особенности функционального-коммуникативного использования разнообразных отрицательных конструкций, выступающих в функции экспрессивных субъективно-оценочных средств в языке его произведений.

В результате изучения теоретической литературы, посвященной исследованию категории отрицания, а также анализа мемуарных текстов А. Кончаловского нами были сделаны следующие выводы: 1) отрицание представляет собой семантически неделимую смысловую категорию, которая выступает в качестве одного из главных компонентов авторской мысли, выражаемой в тексте мемуаров; 2) негация может выражаться единицами разных языковых уровней, что обуславливается спецификой категории отрицания; 3) каждое языковое средство выражения отрицания (лексическое, морфологическое, синтаксическое) имеет свое определенное место в функциональном синтаксисе и выполняет важную роль в построении любого предложения с отрицанием; 4) языковые средства категории отрицания воздействуют на мысли и чувства читателя, способствуя зарождению в его сознании сопереживания героям повествования; 5) для лексико-семантического единства мемуарного текста А. Кончаловского важную роль играет принцип изотопии, в основе которого лежит семантический повтор отрицания,

выступающий в качестве яркого стилистического приема, выполняющего экспрессивную функцию градации, усиления, наглядности, конкретизации и т.п.; б) усилить негацию в высказываниях представляется возможным посредством постоянного взаимодействия разнообразных языковых средств выражения отрицания с другими языковыми единицами, например, введением союзов и союзных слов, усилительных отрицательных частиц, применением различных синтаксических повторов, фразеологизмов, особой интонации, нарушением порядка слов и т.п.; 7) в силу прагматической нагруженности и экспрессивности мемуары обладают высокой степенью воздействия на читателя.

Использование лингвопрагматического подхода к мемуарам А. Кончаловского позволило нам проследить, каким образом в мемуарных текстах происходит отражение основных черт характера автора и описание его внутреннего мира.

В ходе исследования и изучения значительного количества научной литературы нами было выявлено, что прагмастилистическая функция предложений с отрицательной семантикой способствует сообщению дополнительной информации, а также диктует выбор наиболее подходящих языковых средств для выражения соответствующего субъективного оценочного смысла автора мемуаров для последующего воздействия на эмоциональное и интеллектуальное состояние читателя. При этом расширяется информационный потенциал текста мемуаров.

Языковая картина автора складывается из основополагающих концептов, связанных, как правило, с многовековой национальной культурой: религией, народным творчеством. При этом важная роль отрицания заключается в обеспечении непрерывного теоретического и обыденного познания людей. Это познание материализуется языковыми средствами и служит как способ мыслительной процедуры, т.е. экстерииоризации, что предоставляет исследователю возможность проникать в чувственные, мысленные и поведенческие процессы персонажей мемуариста. Главными параметрами языковой картины мира автора следует признать разнообразный предметный мир, художественное время и пространство, выстроенную систему основных действующих в ней лиц и инвариантных мотивов, а также художественную онтологию.

Таким образом, на наш взгляд, тема отрицания как понятийная и языковая категория в мемуарных текстах перспективна и требует дальнейшего изучения на материале различных языков, литературных жанров с учетом различных аспектов исследования.

**Основные положения диссертационного изыскания отражены в
следующих публикациях автора:**

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Болотова, Е.А. Использование отрицательных конструкций как средств субъективации повествовательного текста мемуаров А. Кончаловского [Текст] /

Е.А. Болотова, Г.Ф. Гаврилова// Журнал «Вестник» ПГЛУ, № 2. – Пятигорск, 2016. – С.18–22.

2. Болотова, Е.А. Негативные конструкции в текстах мемуаров А. Кончаловского как показатели речевой характеристики и характеристики личности автора [Текст] / Е.А. Болотова // Журнал «Известия» ЮФУ, Филологические науки, № 3. – Ростов н/Д, 2016. – С.78-87.

3. Болотова, Е.А. Языковые средства усиления отрицания: прагматический аспект (на материале мемуарных текстов) [Текст] / Е.А. Болотова // Журнал «Гуманитарные и социальные науки», №2. – Ростов н/Д, 2019. – <http://hses-online.ru/index.html>

Монография:

4. Болотова, Е.А. Предложение и текст: системность и функциональность/ Отрицательные конструкции как средства субъективации повествовательного текста (на материале мемуаров Андрея Кончаловского «Низкие истины» и «Возвышающий обман») [Текст] монография/ Е.А. Болотова, Г.Ф. Гаврилова, Н.О. Григорьева, И.В. Ковтуненко, И.А. Кудряшов, Н.В. Малычева и др.// – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, АкадемЛит, 2015. – 412 с.

Другие научные публикации:

5. Болотова, Е.А. Языковая картина мира, ее отражение в мемуарной литературе / Русский язык и культура в современном образовательном пространстве. [Текст] / Е.А. Болотова // Тезисы докладов на V Междунар. научно-практич. конф., Москва, филологич. факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 23-24 октября 2014. – М.: МАКС Пресс, 2014. – С.132–134.

6. Болотова, Е.А. Отражение языковой картины мира в мемуарной литературе (по произведениям А. Кончаловского) [Текст] / Е.А. Болотова // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: V Всерос. научно-практич. конф. – М.: РУДН, 2014. – С.17–22.

7. Болотова, Е.А. Анализ отрицательных конструкций как средств субъективации повествовательного текста мемуаров Андрея Кончаловского «Низкие истины» и «Возвышающий обман» [Текст] / Е.А. Болотова, В.В. Богуславская // Журнал «Язык и коммуникации»: сб. науч. тр., Выпуск 9. – Ростов н/Д: ИЦ ДГТУ, 2015 – С.3–15.

8. Болотова, Е.А. Языковые средства выражения отрицания и их стилистико-прагматические функции в мемуарах Андрея Кончаловского [Текст] Е.А. Болотова // Журнал «Вестник» Иркутского государственного технического университета, №12, 2014. – С.396–402.

9. Болотова, Е.А., Лингвистическое исследование понятия «мемуаристика» и особенностей языковой категории «негопозитивность» в текстах мемуаров А. Кончаловского [Текст] / Е.А. Болотова // Язык как система и деятельность: материалы Междунар. научно-практич. конф. / ЮФУ. – Ростов н/Д, 2015. – С.72–76.

10. Болотова, Е.А. Отражение языковой картины мира в текстах А. Кончаловского [Текст] Е.А. Болотова // Education & Science: материалы Междунар. научно-практич. конф. для работников науки и образования (1 марта, 2016 г.). Ч. 4. / – St. Louis, Missouri, USA: Science and Innovation Center Publishing House, 2016. – С.22–25.